

Нуртаза Абдуллаев, д. и. н., профессор АктГПИ

О новой мировоззренческой модели истории Казахстана

«... Великая Степь всегда была перекрестком, на котором встречались различные культуры, языки, армии, религии, товары и идеи. На протяжении тысячелетий Степь была генератором народов», – отмечает Президент РК Н. А. Назарбаев.¹ В русле данного вывода прошел недавний форум историков республики в Астане. На расширенном заседании Межведомственной рабочей группы по изучению национальной истории Казахстана, состоявшемся 5 июня с. г., на мой взгляд, был определен вектор нового этапа в развитии казахстанской исторической науки. О перспективах развития отечественной исторической науки на протяжении 22-х лет даются рекомендации в Посланиях Президента. В этом ряду не является исключением Стратегия «Казахстан-2050», где достаточно четко обозначен алгоритм учебно-методических и научных изысканий в данном направлении.

Как отметил в докладе на заседании межведомственной комиссии Государственный секретарь М. Тажин: «Сегодня Казахстан – состоявшееся государство. Мы вышли на новый этап государственного строительства. Стратегия «Казахстан-2050» дает ответ на главные вопросы на новом этапе развития, а именно: куда мы идем и где хотим быть к 2050 году». В докладе и заключительном выступлении Госсекретаря, обстановка царившая на заседании Межведомственной рабочей группы позволяет всецело утверждать о явных перспективах формирования новой мировоззренческой модели научных изысканий в отечественной истории, определении главных ценностей и ориентиров. Данные факторы, как известно, формируют национальную идентичность в условиях мировой глобализации, возрождают духовные ценности нации: язык, традиции, культуру.

В этом аспекте считаю весьма актуальным и нужным сделать отступление общетеоретического характера, необходимое для изложения дальнейших соображений по вопросу. Конструирование национальной истории – целостного исторического нарратива, ставящего целью органично связать воедино прошлое и настоящее данного социума, а также определить основной вектор его самопроецирования в будущее, – является одним из стратегических направлений теории национального вопроса и практики государственной политики. Следует особо подчеркнуть, что национальная история – это

далеко не синоним понятия «история нации». Если история нации есть последовательность объективно имевших место исторических событий, то национальная история есть общепринятая в данном обществе версия его истории – иначе говоря, это «история для школьных учебников».

Следует также заметить, что именно история является наиболее субъективной среди всех гуманитарных наук, вследствие чего при создании национальных историй во внимание всегда принимается не только объективная реальность (которую далеко не всегда возможно полностью восстановить применительно к историческому прошлому), но и соображения сугубо прагматического плана. Следует признать, что мифологизация истории и манипуляция историческими фактами в угоду конъюнктуре сегодняшнего дня в той или иной мере имеет место практически в любой государственной историографии. В этом ряду не является исключением и отечественная история, когда отдельные коллеги чрезмерно увлеклись поиском батыров, биев, баев, переименованием улиц, населенных пунктов и т. д. А ведь каждое действие в области истории имеет незамедлительную обратную реакцию.

И как подчеркивалось на заседании Рабочей группы основными задачами нарратива национальной истории являются нижеследующие:

- органичная связь прошлого конкретного общества с его настоящим;
- определение основного вектора его самопроецирования в будущее.

Помимо этого, весьма желательным является предъявление также следующих требований к национальному историческому нарративу: внутренняя связность и непротиворечивость; определенный уровень научности – иными словами, отсутствие явного противоречия известным историческим фактам; всемерная поддержка формированию позитивной самооценки у членов конструируемой национальной общности (или «национальной гордости»); отсутствие явных противоречий с прагматическими интересами внутренней и внешней политики, независимости национального государства.

Как уже говорилось выше, конструирование национальной истории (национальная историография) является стратегическим направлением развития любого современного государства, выходящим далеко за рамки академической науки. Глубоко симптоматичным, в некотором смысле даже знаковым событием являются мероприятия по противодействию попыткам переписывания истории, как в нашем государстве, так и в ряде постсоветских стран. Вопрос этот и в теоретическом и политическом аспекте весьма актуален. К сожалению, начиная со второй половины 80-х гг. прошлого столетия данная проблема обрела тенденцию. В особенности, им увлекаются молодое поколение историков, следуя примеру отдельных представителей старшего поколения.

Как общеизвестно кругу профессиональных историков и авторитетных научных школ, история, т. е. коллективная память общества о своем прошлом – по сути своей виртуальный, в некотором смысле даже воображаемый мир. Однако в этом виртуальном мире на наших глазах разыгрывается настоящая битва с участием настоящих (не виртуальных!) заинтересованных субъектов. Нечто подобное вряд ли было вообразимым в исторической реальности советского периода. В этом можно видеть одно из ярких проявлений того факта, что человечество на самом деле вступило в информационную эру своей эволюции.

Возвращаясь, к теме отечественной историографии в контексте доклада и выступлений на заседании Межведомственной группы в сопоставлении с реальностью

межнациональных отношений в республике, следует четко осознавать, что в споре об исторической принадлежности того или иного исторического источника на карту поставлено нечто гораздо большее, нежели просто вопрос о конкретном произведении или выводе, суждениях исторического исследования.

За годы провозглашения Независимости, на мой взгляд, в широкой аудитории известных историков республики на расширенном заседании Межведомственной рабочей группы были конкретизированы аналитические выводы официальной государственной идеологии на национальную историографию не только как на одну из граней развития отечественной исторической науки, но и как на одно из стратегических направлений политики государства – как внутренней, так и внешней. Основные проблемные исторические блоки, в разработке которых нуждается сегодня казахстанская историография, по моему мнению, заключаются в нижеследующем:

- проблема конструирования «общего прошлого» для этнически гетерогенного сообщества граждан суверенного Казахстана;
- критерии оценки советского периода отечественной истории в контексте формирования парадигмы «независимый Казахстан как Отечество»;
- определены задачи научного определения периода формирования казахского этноса и его государственности;
- проблематика цивилизационной («суперэтнической») ориентации казахского этноса в истории, а также казахстанского гражданского сообщества в настоящем и будущем.

Что касается первого пункта из перечисленных выше, речь здесь идет о всестороннем взвешенном отображении такой версии истории для школьных учебников, которая могла быть принята как своя история всеми казахстанцами, независимо от их этнических корней и конфессиональной принадлежности. Задача эта – актуальна и злободневна для Казахстана сегодня, однако, по целому ряду объективных причин, весьма и весьма не проста в силу избирательности исторической памяти и ее разделения по «этническим квартирам». Приходится признать, что «общее прошлое» для казахстанцев еще только предстоит «сконструировать»: на данный момент в таком качестве реально воспринимается только период после 1917 г. – фактически, это история не Казахстана, а СССР, большинство этносов которого, так или иначе, проживает сегодня в республике. Успешное решение данного аспекта отечественной истории зависит от решения последующих трех научных проблем, рассмотрение же ее как «отдельной задачи» – малоперспективно.

По второму пункту следует заметить, что принятие парадигмы «независимый Казахстан как Отечество» вместо прежней установки «СССР как Отечество», будучи само по себе неизбежным и необходимым, тем не менее, объективно порождает ряд весьма непростых вопросов, на которые казахстанским историкам – и в особенности, авторам школьных и вузовских учебников отечественной истории, – неизбежно придется найти четкие, ясные ответы, требующие болезненного, порой, переосмысления ряда установок для поколений советского периода нашей истории.

Значительное место в докладе Госсекретаря М. Тажина было отведено уже давно идущей от официальной идеологии государства историков задаче новой казахстанской историографии. Как было сказано на заседании, она состоит в том, чтобы, не впадая в деструктивные крайности, органично вписать советский период, во всей его противоречивости, в историю независимого Казахстана. В этой связи, следует особо подчеркнуть специфичность роли советского периода в историографии и историографии

каждой из постсоветских стран, что существенно ограничивает возможность выработки «общей точки зрения», попытки каковой периодически предпринимаются частью историков. Переосмысление роли советского периода казахстанской истории, в силу ряда причин, является особо важным для конструирования внутренне связного, непротиворечивого нарратива отечественной истории в будущем.

Касательно третьего проблемного узла ограничусь общим замечанием: как показывают исследования в области оптимальных национальных отношений, понятие «Золотого Века» является необходимым структурным элементом любого национального исторического сознания. Проблематика казахского «Золотого Века» в последние годы приобретает все большую актуальность. Особое внимание в этой связи привлекают имеющие в последнее время попытки «казахизации» исторической фигуры отдельных личностей и создания представления о казахской государственности как о прямом наследнике и правопреемнике Монгольской империи. При всем скептицизме, который может вызывать «мегаломания» такого рода, она лишь отражает реально существующую проблему – искусственную идеализацию казахской историографии, доставшейся нам в наследство от советского периода, из общего контекста центральноазиатской и, шире, евразийской истории.

По моему убеждению, проблематика «Золотого Века» в казахстанской историографии должна быть увязана с идеологическим наследием евразийства и историей Золотой Орды (не империи Чингисхана), которую именно евразийская парадигма позволяет переосмыслить в продуктивном ракурсе. Изучение и осмысление золотоордынского периода истории Казахстана незаслуженно забытого, оно является особо значимым для конструирования внутренне связного, непротиворечивого нарратива отечественной истории. По моему мнению, сознательное принятие именно указанного периода за «отправную точку» истории казахской государственности является, наиболее продуктивным подходом.

Задаче достижения указанной цели наиболее соответствует упомянутое выше конструирование общетюркского исторического нарратива, охватывающего, по крайней мере, период до позднего средневековья. В какой-то мере, может быть задействовано также наследие евразийства, однако последнее более приемлемо для «внутреннего» потребления, с одной стороны, а также может использоваться как эффективный политтехнологический продукт в ряде направлений внешней политики, с другой стороны. Однако когда речь заходит о долгосрочном наднациональном историческом конструировании, понятие «евразийства» требует намного более осторожного обращения ввиду своей аморфности и, как следствие, чрезвычайного многообразия современных политических течений, а также проектов интегрированной истории, ассоциирующих себя с евразийством.

На заседании Рабочей группы с большим интересом были заслушаны доклады «Проблемы методологии изучения новейшей истории», «Отечественная история: от мифа к истине» по которым состоялся обмен взглядами участников. Следует заметить, что цементирующей основой каждой науки, в том числе исторической, является ее методология. Маститым и начинающим исследователям постоянно приходится сталкиваться с необходимостью теоретического осмысления наиболее эффективных приемов исследования. Несмотря на то, что интерес к теоретическим вопросам в среде исследователей довольно высок, и велико разнообразие методологических подходов, в вузовских курсах и специализированных научных публикациях проблемы теории и

методологии, находящиеся на стыке истории, философии и социологии, в отечественной науке пока еще не наполнены достаточными фундаментальными трудами.

Вопросы о том, как писать историю, какова мера свободы размышляющего и рассказывающего о прошлом, как можно и нужно оценивать достоверность повествования о былых событиях, во все времена волновали и авторов исторических сочинений, и их читателей. Интерес к вопросам верификации исторического знания и ее методологии, как известно, актуализировался со второй половины XIX в с появлением «позитивистской школы». С тех пор, этот интерес не ослабевал, тем более, что обнаружилась несостоятельность «чистого описания» события, которого придерживались в прошлом позитивисты, так и в ряде публикаций современности. Во всяком случае, историки постоянно сталкиваются с необходимостью теоретического осмысления наиболее употребляемых приемов исследования. Даже простое описание отдельных событий и фактов, а тем более, исторического процесса требует осознанного историком выбора темы, источников, оценки трудов и выводов предшественников.

В реальной ситуации каждый исследователь часто сталкивается с легковесным освещением проблем исторической науки. Ведь писать историю – дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь, наверное, как все происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка. Когда сохранилось только одно-единственное свидетельство о некоем факте, он устанавливается нами без особых колебаний. Нерешительность возникает лишь при наличии двух или более свидетельств о событиях, так как они во многом противоречат друг другу и не поддаются согласованию.

Конечно, предпочтение того или иного исторического свидетельства всем остальным покоится нередко на прочной научной основе. Но она никогда не бывает настолько прочна, чтобы противостоять страстям и предрассудкам, интересам исследующего или препятствовать проявлениям постоянного сомнения, свойственного всем серьезным людям. Очевидно поэтому, события постоянно изображаются и толкуются либо пристрастно, либо слишком вольно...

Не секрет, что иногда приходит мысль: стоит ли утруждать себя составлением исторического труда, когда можно попросту принять за истину наиболее известные имеющиеся материалы? Ведь если автор выскажет новую точку зрения или оригинальную мысль, а людей и обстоятельства изобразит в каком-нибудь неожиданном свете, читатель невольно приходит в удивление. А читатель не любит удивляться. Пытаясь чему-нибудь научить читателя, вы лишь обидите и рассердите его. Не пробуйте его просвещать, он завопит, что вы оскорбляете его верования. Историки, переписывая друг друга, избавляют себя от лишнего труда и от обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальны. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение.³ Литературный шарж с позиции романиста не умаляет достоинств историков, а лишь повышает интерес к особенностям их профессионального мастерства.

На мой взгляд, такого характера подход снимает с истории таинства алхимии. На заседании рабочей группы особо подчеркивались проблемы этой науки, а в реальности они не так очевидны. Разнообразие ее методологических подходов удивляет. Отношение людей к истории было и является различным. Особенно это заметно в процессе радикальных общественно-политических событий, в итоге революционных преобразований в обществе.

Одни видят в ее лице мудрую «*magistra vitae*», которая раскрывает нам тайны прошлого, помогает нам понять настоящее и приподнимает перед взором исследователя завесы будущего, на которое одни глядят с унынием и страхом, другие – с надеждой или оптимистической уверенностью, но перед которым все испытывают волнение.

Вторые рассматривают ее как «самую строгую из всех муз», как бескомпромиссного в своей объективности судью социальных систем, народов, социальных групп, общественно-политических партий и исторических личностей, который может забыть, но никогда не забывает поставить всякого, на свое вполне достойное и заслуженное место.

Третьи видят в ее лице и то и другое.

Четвертые считают ее «девицей для всех» и даже «блудницей», которая отдается всякому, кто обладает экономической и политической властью», – отмечается в одном из академических трудов, непосредственно посвященном данной проблеме.

Рядовой читатель и даже исследователи подчеркивают двоякий смысл понятия «история»: во-первых, это свидетельство о том, что произошло, а во-вторых, это объяснение или интерпретация событий и фактов. История не сводится к хронике, к перечню последовательных фактов, она призвана показывать развитие событий и происходящие изменения.

Уровень каждой науки не в последнюю очередь определяется состоянием ее методологии. Методология (греч. – понятие, учение) это система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. В отечественной сравнительно молодой науке, если судить по публикациям, вышедшим в свет в условиях суверенного развития, интерес к теоретическим вопросам истории недостаточно высок.

Как склонны считать известные научные школы стран Евразии, в современном виде методология истории как часть общей методологии науки стала складываться не ранее первой половины XIX в. Вступление человечества в эпоху информационной революции на ряд порядков расширяет и ускоряет доступ исследователей к банку данных по всем общественным наукам. Исторические знания образуют наиболее крупный пласт научных знаний мировой цивилизации.

Итак, приведенные выше выводы и соображения однозначно свидетельствуют о том, что сфера национальной историографии выходит по своей значимости далеко за рамки академической науки и имеет прямое отношение к сферам стратегических интересов и национальной безопасности любого современного государства. Последнее особо актуально для Казахстана и других государств постсоветского пространства, недавно обретших политическую независимость, и в настоящий момент активно строящих свою национальную идентичность. Затягивание решения, либо неэффективное решение ключевых историографических проблем в средне- и долгосрочной перспективе способно породить серьезные вызовы национальным интересам и даже государственной безопасности.

По итогам расширенного заседания Межведомственной рабочей группы по исследованию, написанию и изучению национальной истории были всецело одобрены задачи, поставленные в трудах Президента РК. В этом аспекте было подчеркнуто, что нужен современный и по-настоящему научный единый государственный стандарт исторического образования в средней школе и вузе. Стандарт, который базировался бы на самых современных методах исследования и методиках преподавания.

Марат Тажин выделил пять основных позиций в воссоздании национальной истории, среди которых:

а) национальная история должна стать центральным звеном среди общественных наук;

б) нужно выработать на качественно новом уровне общую концепцию истории Казахстана, которая должна быть тесно увязана с всемирной историей и убедительно показывать место Казахстана в глобальных исторических процессах, системе их взаимосвязи и научной периодизации;

в) первостепенное внимание нужно уделять сбору, систематизации и классификации всего имеющегося в республике и за рубежом исторического материала о Казахстане, где нужно скрупулезно исследовать все основные зарубежные хранилища исторических артефактов, а также изучить вопрос о возможности репатриации этих исторических материалов в страну, либо, если это невозможно, осуществить их копирование с обеспечением последующего доступа для ученых и широкой публики;

г) среди приоритетов – изучение центральноазиатской номадической цивилизации, хранителем которой в настоящее время является казахский этнос;

д) оперативно решать вопрос подготовки качественных учебников по истории.

Уверен, что материалы расширенного заседания Межведомственной рабочей группы дадут ощутимый импульс в модернизации и обогащении отечественной истории, откроют новые ориентиры для ее исследователей.

г. Актобе

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н. А. Казахстанский путь. Караганда, 2006, с. 366.
2. Тажин М. Народ в потоке истории. Казахстанская правда. 6 июня 2013 года.
3. Франс А. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М., 1984, с. 7-8.
4. Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии (К критике современной идеалистической философии истории). М., 1972, с. 9.
5. Kohn H. Reflections on Modern History (The Historian and Human Responsibility). Toronto-New York-London, 1963, с. 5.
6. Топольски Е. Методология истории и исторический материализм. «Вопросы истории», 1990, № 5, с. 3.